Размышления на основе новых иностранных публикаций

Социальные образы современного Израиля. Проблемы и политика

Люблинский Виктор Викторович – доктор политических наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора сравнительного анализа социальной политики, Институт социологии Российской академии наук, Москва

E-mail: lyubl.victor@yandex.ru

Социальные образы современного Израиля. Проблемы и политика

Аннотация

В статье рассматриваются особенности развития современного израильского общества, опыт Израиля в решении проблем роста благосостояния и социальной политики, межэтнических отношений. Показано, что в социально-экономической стратегии Израиля акцент сделан на поддержку отраслей высоких технологий (хайтека), развитие которых определяется в первую очередь задачами обеспечения обороноспособности и безопасности страны. Соответствующие разработки также находят применение в гражданских отраслях, что способствует росту производительности труда, благосостояния и качества жизни граждан, укреплению международных позиций страны в различных областях. Показателен и уровень относительных расходов на НИОКР, который в Израиле является наиболее высоким в мире. Израильское общество выработало в себе высокую способность адаптации к меняющейся ситуации. Но его социальная стабильность в принципе не может длительно, устойчиво и надёжно обеспечиваться в условиях высокого разрыва в доходах; она постоянно находится под угрозой, о чём свидетельствует мощная волна социального протеста, в которую были вовлечены сотни тысяч израильтян летом 2011 г. Глубоки и этнические разломы внутри израильского общества. Однако, несмотря на серьёзные проблемы, оно отличается достаточным уровнем сплочённости, ибо иначе выжить в условиях постоянных вызовов существованию страны и террористической угрозы было бы невозможно. В последние годы в Израиле сформировался устойчивый тренд роста доверия правительству со стороны граждан, что выгодно отличает его на фоне многих стран, перед которыми встала проблема восстановления доверия к власти. Происходят также серьёзные сдвиги в массовом сознании. Формируются новые ценностные предпочтения в отношении политического и социально-экономического развития страны. Растёт численность работников, вступающих в профсоюзы, активизируется их деятельность, которая распространяется и на крупные компании, где прежде их не было. Показательно, что рост профсоюзов происходит, несмотря на серьёзное сопротивление работодателей. Работники успешно отстаивают свои права, в том числе в судах. В условиях, когда перед российским обществом и российской властью со всей остротой встали проблемы выживания и развития перед лицом постоянного внешнего давления и ограничений, Израиль демонстрирует в этом плане заслуживающий внимания опыт внутреннего развития.

Ключевые слова: экономическое развитие, социальная политика, доходы, бедность, образование, заработная плата, межэтнические отношения

Традиционно интерес к Израилю определяется внешними аспектами развития этой страны, перманентным конфликтом на Ближнем Востоке и связанной с этим международной политикой. Мировое сообщество весьма чувствительно относится к меняющейся там ситуации. Об этом много известно и написано. В то же время значительно меньше доступной российскому читателю информации о внутренней жизни и внутренней политике Израиля – небольшой страны, постоянно находящейся в состоянии напряжения и мобилизации. Как развивается в этих условиях израильское общество, как оно строит свою экономику, каков уровень благосостояния граждан, каковы социальные проблемы общества, взаимоотношения между социальными и этническими группами, положение представителей арабского меньшинства – эти вопросы несомненно представляют большой интерес, но малоизучены в России.

Между тем израильский опыт заслуживает пристального внимания, ибо перекликается с проблемами, которые на данном этапе приходится решать и России. Дополнительный интерес к Израилю обусловлен и тем, что в этой стране проживают сотни тысяч выходцев из стран бывшего СССР, россиян «по духу и образу мысли», которые вносят большой вклад в его развитие.

Обратиться к опыту Израиля меня вдохновила новая книга известного израильского экономиста и социолога Б. И. Дубсона [Дубсон 2014], материалы которой послужили основой для данной статьи. Книга информативна, интересна, предоставляет возможность сформировать объёмное представление о современном Израиле, о его социально-экономических проблемах. Её автор уже более 20 лет проживает в Израиле, находясь в гуще событий, соприкасаясь с повседневностью этой страны, что делает его работу более убедительной и в научном отношении.

Особенности стратегии экономического развития

Одна из главных задач российского общества состоит в необходимости решения трёх взаимосвязанных проблем – обеспечения высоких темпов экономического роста, формирования качественно новой экономики, связанной с переходом на путь инновационного развития, и обеспечения роста благосостояния. Но декларировать задачу модернизации страны, изменения модели развития, отхода от преобладания сырьевой модели достаточно просто. Другое дело – продвигаться по пути решения этой эпохальной задачи. То, что рыночная экономика сама по себе не способна обеспечить формирование качественно новой экономики, не говоря уже о развитии социальной сферы,

способной надёжно защитить граждан от социальных рисков, было совершенно ясно изначально, ещё до начала так называемых либеральных рыночных реформ. Если конкурентное пространство занято, то необходима соответствующая данной задаче экономическая политика, особенно в отношении развития промышленности и инвестиционной сферы. Однако это российскими властями не только в 1990-х гг., но и позднее не принималось во внимание. Во многом относительно проблем социально-экономического развития и политики модернизации можно обнаружить интересные параллели с Израилем.

Во многом относительно проблем социально-экономического развития и политики модернизации интересные параллели для России можно обнаружить с Израилем.

На определённом этапе перед правительством Израиля в полной мере встал вопрос о необходимости повышения темпов экономического роста, адекватных стратегии развития. Несмотря на то, что страна уже прошла значительный путь и стала индустриальной, она всё же серьёзно отставала от многих государств по уровню благосостояния, в частности по размеру ВВП на душу населения. В этих условиях была поставлена стратегическая цель (вспомним, как это было в России в начале 2000-х гг.) – преодолеть отставание от мировых лидеров по показателям благосостояния. В качестве скромного образца для подражания была выбрана Ирландия (в России таким ориентиром стала Португалия), привлекательность которой, однако, со временем серьёзно поблёкла. Решить данную задачу не удалось.

Важным фактором социально-экономического развития страны явился значительный рост зарубежных инвестиций – за 20 лет почти в 15 раз.

Это означает, что перспективный сценарий развития страны, нацеленный на то, чтобы к 2028 г. значительно увеличить уровень благосостояния (правительство замахнулось на уровень до 50 тыс. долл. на душу населения) и войти в группу 15 наиболее развитых стран мира, вызывает большие сомнения. Хотя реализация этой цели жизненно необходима, чтобы сделать страну привлекательной для многих израильтян, которые сейчас предпочитают эмигрировать из страны и строить свою жизнь за рубежом [Дубсон 2014: 14–17].

Согласно данным ООН, в 1989 г. ВВП на душу населения составлял 10,4 тыс. долл. Это было вдвое меньше по сравнению с США, но на 65–70% превышало уровень таких стран, как Португалия и Южная Корея [Дубсон 2014: 21–23]. К 2013 г. этот показатель в Израиле возрос почти втрое (в номинальном выражении), составив 30,9 тыс. долл. Несомненно, значительный результат. При этом, однако, заветная цель отдалилась. Израиль серьезно «проигрывает» Ирландии (44,9 тыс. долл.), т. е. на 14 тыс. долл. (31,2%) [Human Development Report 2015: 246].

Важным фактором социально-экономического развития страны явился значительный рост зарубежных инвестиций – за 20 лет почти в 15 раз. И по общему правилу это должно было бы способствовать росту производительности труда. Однако в Израиле слишком высокая концентрация

инвестиций в НИОКР, которые распределены неравномерно, сосредоточившись в 2–3-х отраслях. За период 1995–2009 гг. среднегодовые темпы роста производительности труда составили в Израиле 3,0%, что выше, чем в среднем в странах-членах ОЭСР (2,5%). Правда, в других секторах по производительности труда сравнение не в пользу Израиля, особенно в отраслях, ориентированных на локальный рынок, где она оказалась отрицательной, – торговля, услуги, локальная обрабатывающая промышленность (-0,3% по сравнению с 1,4% по ОЭСР). По данному показателю Израиль также уступает в традиционных отраслях, связанных с внешним рынком (1,0 против 3,2%), и в сферах финансовой деятельности, связи и других услуг (3,5 против 4,5%) [Brand, Regev 2015: 13]. По сравнению с США в традиционных отраслях она ниже на 60%. В наукоёмких отраслях ещё недавно ситуация была принципиально иной: производительность труда соответствовала высшим мировым стандартам. Но последовало падение, и сейчас отставание от США составляет примерно 20% [Дубсон 2014: 32].

Экономика Израиля всё в большей степени опирается на развитие высокотехнологичных отраслей. Их доля в ВВП постоянно росла и составила в 2006 г. 13,1%.

Как оказалось, решение задачи, связанной с повышением темпов экономического развития в Израиле, весьма проблематично, ибо возможности для осуществления такого «рывка» серьёзно ограничены. Это во многом связано со значительным снижением прироста трудоспособного населения. При несопоставимости масштабов и условий Израиля и России в этом отношении проблемы наших стран оказались весьма схожи.

Рассматривая в качестве приоритета своей политики обеспечение значительного повышения темпов экономического развития, правящие круги Израиля стремились к тому, чтобы страна стала одним из мировых лидеров в области научно-технического прогресса. Прошло достаточно времени и уже можно оценить, как этот замысел воплотился в жизнь. Достижения налицо, они впечатляют. Экономика Израиля всё в большей степени опирается на развитие высокотехнологичных отраслей. Их доля в ВВП постоянно росла и составила в 2006 г. 13,1%. И наиболее значительная часть этого сектора – ВПК. Иначе и не могло быть, учитывая логику развития современного НТП. Необходимо учитывать и специфические условия израильского общества, вынужденного постоянно находиться в состоянии повышенной готовности к обороне. Поэтому именно ВПК в Израиле в значительной степени определяет развитие отраслей высоких технологий, т. к. их разработки для обеспечения обороноспособности и безопасности страны впоследствии находят применение в гражданских отраслях для выпуска технологически более совершенной и качественной продукции, что способствует повышению производительности труда, благосостояния и качества жизни.

Вспомним, какая политика проводилась в СССР в завершающий период и в России 1990-х гг. в отношении предприятий ВПК. Неправильная трактовка конверсии, которая понималась как сужение ВПК, привела к ликвидации многих предприятий, переводу их на выпуск гражданской продукции. А подход должен был быть совершенно другим. Какой значительный ущерб это нанесло и экономике, и обороноспособности страны, известно. Только начиная с 2000-х гг. и особенно в последние годы ситуация в этой сфере стала исправляться.

В 2011 г. в Израиле работали 314 научно-исследовательских центров зарубежных ТНК.

Между тем развитие ВПК Израиля было последовательным и может служить хорошим примером во многих отношениях. Сейчас предприятия ВПК развивают активную деятельность на мировом рынке, особенно в тех сферах, где они являются лидерами. В первую очередь это авиационное оборудование и производство беспилотников, технологии в области электроники и связи. Естественно, что эти разработки находят применение и в гражданских отраслях.

В значительной степени развитие отраслей высоких технологий в Израиле в последние десятилетия определялось, наряду с притоком иностранного капитала, использованием специалистов, приехавших из СССР. В 2011 г. в Израиле работали 314 научно-исследовательских центров зарубежных ТНК. При этом важно отметить, что в сфере высоких технологий большую роль играют так называемые стартапы – фирмы, в которых небольшой коллектив исследователей и инженеров разрабатывают с нуля перспективные с коммерческой точки зрения идеи. Значительная часть выпускников израильских университетов проходят первичную «обкатку» в этих фирмах и спрос на специалистов в этом сегменте рынка труда обусловливает высокую долю хайтека в общей занятости (одной из самых высоких в мире).

Складывается впечатление, что политика, отдающая приоритет развитию сферы образования и научных исследований с акцентом на высокотехнологичную продукцию (прежде всего для ВПК, но и не только), опирается в том числе и на опыт СССР (естественно, без той степени закрытости), сохраняющий взаимосвязь военной и гражданской сферы. Стоило бы также учитывать и уровень относительных расходов на НИОКР, который в Израиле, оказывается, является наиболее высоким в мире (4,2% ВВП). Конечно, по масштабу затрат на эти цели Израиль далеко не первый, его удельный вес в мировых расходах на НИОКР всего 0,7%. Но надо учитывать и размер страны.

Россия тратит на НИОКР в 4 раза больше, чем Израиль (2,66% от глобальных расходов), однако она существенно отстаёт от США и других стран Запада и находится на 9 месте, уступая КНР, Индии и Южной Корее, хотя превышает уровень

Канады, Италии, Австралии, Швеции и Нидерландов. В этом ряду Израиль находится на 19–20 позиции – 10,6 млрд. долл. в год.

В перспективном плане правительства Израиля – создание 50 новых центров НИОКР. Достичь этого власти страны намерены также путём привлечения иностранных инвестиций, используя налоговые стимулы с целью заинтересовать потенциальных инвесторов. Иначе обеспечить дальнейшее развитие и расширение сферы высоких технологий в Израиле невозможно. В небольших странах, подобных Израилю, возглавляют этот процесс ТНК, ибо собственных ресурсов недостаточно или их просто нет.

Очевидные достижения Израиля – высокая продолжительность жизни: 82,1 года (в ОЭСР – 79,9 лет). Это 5–6 место в мировом рейтинге.

Можно ли сказать, что в Израиле успешно осуществляется программа, согласно которой страна должна превратиться в одного из мировых лидеров научно-технического прогресса? В каком-то смысле да, но с большими допущениями и только в ряде узких областей. Как отмечает Б. Дубсон, при благоприятных обстоятельствах Израиль может в ближайшие 10–15 лет поднять свою долю в мировом производстве и экспорте продукции высоких технологий до 2% [Дубсон 2014: 96], что в десятки раз превосходит долю страны по населению и территории. С моей точки зрения, весьма интересен опыт Израиля в развитии фармацевтической промышленности. Впечатляет создание мощного фармацевтического концерна Teva, который известен в мире высоким качеством продукции и является брэндом, которым гордятся в стране. Вот если бы в России создали что-нибудь подобное! Тем более что необходимые для этого условия (ресурсы, знания, опыт, кадры) есть.

Насколько данный опыт организации сферы высоких технологий может быть востребован в России? Реально лишь в небольшой части, ибо в Израиле она высоко зависима от внешних факторов. А для России единственно приемлемая модель – это самодостаточный ВПК в сочетании с самодостаточной и развитой сферой НИОКР. Иначе невозможно отвечать на серьёзные вызовы и эффективно противостоять постоянно возникающим угрозам безопасности страны.

Особенности развития социальной сферы

Несмотря на то, что реализация амбициозных целей выхода на самые передовые позиции в мире в области экономического и научно-технического развития осложняется объективными трудностями, экономика и социальная сфера в Израиле развиваются достаточно успешно. Очевидные достижения Израиля – высокая продолжительность жизни: 82,1 года (в ОЭСР – 79,9 лет). По этому показателю он занимает 5–6 место в мировом рейтинге. В значительной степени

это связано с достижениями страны в развитии медицины и высоким уровнем здравоохранения, в частности высокой квалификацией медицинского персонала и использованием самой современной медицинской аппаратуры. Неудивительно, что 80% взрослых считают своё здоровье хорошим или очень хорошим, хотя этот показатель в среднем по ОЭСР составляет 68,8% [How's Life... 2015: 2]. На это стоит обратить внимание в контексте модернизации социальной сферы в России, в которой, к сожалению, сделан частичный акцент на коммерциализацию. Конечно, нельзя забывать, что так называемая средиземноморская модель питания с обилием овощей и фруктов гарантирует более здоровый образ жизни, что также влияет на её продолжительность. Немаловажно, что в Израиле относительно низкий уровень потребления спиртных напитков: потребление спиртного в Израиле значительно ниже среднего показателя по странам ОЭСР (61%), в то время как во многих государствах он существенно выше: в частности в США – 110%, Испании – 123%, Австрии –137%.

Заслуживают внимания достижения Израиля в сфере образования. У властей и общества существует консолидированная позиция в этом вопросе, отражающая понимание того, что перспективы и конкурентоспособность страны в современном мире в большой степени определяются качеством человеческого капитала. И результат производит впечатление. По показателям развития образования страна занимает высокие позиции в мире. Самая большая средняя продолжительность обучения отмечается в Австралии, Великобритании, Канаде, США и ФРГ(13,0 и более лет). Несколько ниже данный показатель в Данииё а затем Норвегии – страны с наиболее высоким индексом человеческого развития (соответственно 12,5 и 12,7 лет у мужчин и женщин). Примерно на таком же уровне находится Израиль вместе с Новой Зеландией (12,6 и 12,5 лет). Таким образом, Израиль находится впереди многих развитых стран [Human Development Report 2015: 220]. Важный показатель – то, что доля лиц, имеющих полное среднее образование, в возрасте 25–34 лет увеличилась с 85,4% в 2007 г. до 90,7% в 2013 г. (в среднем по ОЭСР – 83,6%) [How's Life... 2015: 4]. Вместе с тем, Израилю грозит потеря относительных преимуществ. Согласно данным ООН, рывок могут совершить Австралия (19,6 лет), Норвегия, Бельгия, Франция, Южная Корея, Голландия и Ирландия [Human Development Report 2013: 144]. На этом фоне оценочный показатель в 15,7 лет в отношении Израиля – скромный рост, означающий достаточно высокий риск утраты нынешних позиций к середине 2030-х гг.

А что же Россия? Она и сейчас уступает Израилю, причём, несмотря на ожидаемый рост на 2,6 года (до 14,3 лет), отставание от Израиля, которое в 2010 г носило условный

характер (11,7 против 11,9 лет), может обрести реальные контуры. А уж о перспективах уменьшить отставание от перечисленных выше стран и говорить не приходится.

По уровню комплексного показателя качества жизни – индексу развития человеческого потенциала (ИРЧП), который публикует ООН с начала 1990-х гг., Россия пока существенно отстаёт – 0,798, занимая 50 место в мировом рейтинге. Для сравнения – в Израиле этот показатель составлял в 1990 г. 0,785, а к 2014 г возрос до 0,894 (18 место), ненамного уступая, например, Швеции и Великобритании (0,907) и опережая такие страны, как Люксембург, Япония, Бельгия, Франция и целый ряд других европейских стран. Конечно, большую роль играет разрыв в продолжительности жизни (в России 64,4 лет у мужчин и 75,8 у женщин, в то время как в Израиле соответственно 80,5 и 84,1) и уровне доходов (в 2014 г. подушевой доход российских граждан был значительно ниже, чем израильтян (мужчин более чем на 5 тыс., а женщин почти на 11 тыс. долл.) [Human Development Report 2015: 212, 220].

С учётом этого опыта можно сделать следующий вывод. Для повышения привлекательности России (а ИРЧП, безусловно, представляет важный индикатор привлекательности различных стран) и роста её конкурентоспособности необходимо изменить приоритеты в политике государства в сторону решения социальных проблем и, естественно, в тесной взаимосвязи с проблемами экономическими. И в качестве таковых поставить задачу, направленную на создание условий для роста продолжительности жизни, качества образования, а также существенного повышения доходов.

Понятно, что существуют достаточно жёсткие ограничители. Но это отнюдь не может быть аргументом для консервации существующей модели социально-экономического развития. Россия вырвалась из объятий жесточайшей бедности 1990-х гг., но в нынешних условиях в связи со снижением мировых цен на нефть, значительной девальвацией рубля и ростом потребительских цен может начаться возврат «масштабной бедности», равно как и обострение совокупности социальных проблем. Власть фактически проводит политику «социального маневрирования», которая, как известно, в суровые времена может естественным образом трансформироваться в курс на «жёсткую экономию», под пресс которой попадают, как правило, наиболее уязвимые, зависимые и малообеспеченные группы населения.

Формальной бедности в России стало меньше, пенсионеры начали жить немного лучше, реальные доходы действительно выросли, но основа российского благосостояния неубедительна в долгосрочном плане. К тому же страны Запада стали проводить целенаправленную и консолидированную

политику санкций в отношении России, а мировая экономика в 2015 г. вступила в новый период потрясений. Поэтому необходима многофакторная основа развития и роста благосостояния. И важный ресурс социально-экономического роста – снижение уровня дифференциации доходов, который в России очень значителен.

Действительно, ситуации в сфере распределения доходов в Израиле и России похожи. При этом есть существенное различие: в Израиле социальная политика опирается на прогрессивную шкалу подоходного налога, которая не нашла применения в России, ибо власти упорно отвергают её целесообразность. Неудивительно, что разрывы в доходах между социально-профессиональными группами не только сохраняются, но и растут. И вряд ли в качестве эффективного средства социального выравнивания может рассматриваться вводимый дифференцированный налог на собственность. Курс на стабильность и рост социального благосостояния декларирован в политике нынешнего российского государства, но существенного результата вряд ли можно достичь, если не затрагивать базовые факторы, определяющие характер распределения доходов. И это справедливо как для России, так и в определённой мере для современного Израиля.

Ситуации в сфере распределения доходов в Израиле и России похожи. При этом есть существенное различие: в Израиле социальная политика опирается на прогрессивную шкалу подоходного налога, которая не нашла применения в России, ибо власти упорно отвергают её целесообразность.

С точки зрения социальной дифференциации доходов Россия и Израиль имеют близкие показатели. Но в России этот фактор носит всё же более негативный и травмирующий значительную часть общества характер. Хотя и в Израиле такой момент тоже присутствует, учитывая то, что высокий уровень неравенства противоречит многим принципам основоположников современного израильского государства. Но всё же, так или иначе, израильское общество адаптировалось к такой социальной модели. И высокий уровень дифференциации доходов и собственности, судя по всему, не является препятствием для достаточно успешного развития страны, несмотря на многие проблемы и неудачи. Но эти достижения наверняка были бы более значительными при переходе к умеренной модели социальной дифференциации доходов, ибо, как показывает опыт многих стран, преимущество такой модели состоит в том, что она является фактором сплочённости общества и роста мотивации человеческого капитала.

В начале 2000-х гг. в Израиле сформировался тренд, связанный с изменением структуры доходов, затронувший в той или иной степени все основные этнические группы населения. Он выразился в значительном сокращении доли социальных пособий и росте доходов от трудовой деятельности, который затронул главным образом ультраортодоксов (харедим) и арабских граждан. Доля последних возросла за период 2002–11 гг. соответственно с 51 до 64% и с 75 до 82%, в то время как у не-харедим (основной части еврейского населе-

ния) она осталась фактически на прежнем уровне – 85–86%. Наиболее значительное увеличение трудовых доходов произошло среди арабов и харедим (соответственно 12 и 41%). Однако в отношении располагаемых доходов наиболее значительный рост произошёл среди еврейского населения. Это было связано со снижением прямых налогов и трансфертных выплат, что негативно отразилось на арабском населении и харедим и способствовало росту дифференциации реальных доходов. В целом ежемесячные доходы лиц в возрасте до 59 лет в Израиле с 2002 по 2011 г. возросли на 11,6% у ультраортодоксальных евреев, на 6,5% у не-харедим и на 2,8% у арабских граждан [Bleikh 2015: 10–11]. При этом по показателю средних доходов разрыв между еврейским и арабским населением увеличивается: в 2011 г доходы арабской семьи в среднем составляли 56% от соответствующего показателя еврейской семьи [Дубсон 2014: 254].

Серьёзной проблемой в Израиле, безусловно, является бедность. Но её проявления специфичны. Главным образом она затрагивает израильских ультраортодоксов и арабов.

Серьёзной проблемой, безусловно, является бедность. Но её проявления специфичны. Главным образом она затрагивает израильских ультраортодоксов и арабов. В частности, растёт доля арабских семей с реальным доходом ниже границы бедности. При первичном распределении в 2002–11 гг. она увеличилась с 49 до 52%, при вторичном – с 36 до 44%. Но наиболее высокий уровень бедности среди харедим – 70% (хотя это небольшая часть населения – 10%). В среднем же он составляет 27 и 18%, превышая показатель по развитым странам – соответственно на 4 и 5 процентных пунктов (при первичном и вторичном распределении) [Bleikh 2015: 12–13]. И поддерживать существование в таких условиях удаётся отнюдь не за счёт социальной поддержки государства, а за счёт помощи семей, родственных связей, натурального хозяйства, масштабы которого не учитываются в статистике. Хотя и социальная политика в Израиле выступает как фактор снижения бедности, но её роль в этом отношении существенно ниже, чем в развитых странах Запада.

Оборотной стороной такой модели распределения доходов является снижение жизненного уровня большой части населения. Многие граждане Израиля вынуждены серьёзно ограничивать себя в удовлетворении насущных потребностей. Согласно данным израильских ученых, 40% отказываются от стоматологических услуг, а 35% не могут в достаточной степени обогревать или охлаждать свои жилища. Естественно, что уровень этих ограничений находится в обратной зависимости от социального положения. Так, в первом (низшем) квартиле шкалы доходов 44% ограничивают расходы на питание, 64% вынуждены обходиться без надлежащего отопления или охлаждения своего жилья, 31% испытывают недостаток средств на оплату телефона и электричества. Во втором квар-

тиле 48% ограничивают обогревание или охлаждение жилища, а 29% – потребление продуктов питания. Но и в третьем квартиле немалая часть граждан вынуждены существенно экономить: на продуктах питания – 12%; обогреве или охлаждении жилища – 27%.; телефонной связи и электричества – 7%. Вынуждены отказываться от медицинской помощи по финансовым причинам соответственно 31, 20 и 10% (1–3 квартили); от приобретения лекарств – 38, 19 и 7%; от услуг стоматолога – 67, 54 и 31%. Даже в высшем – 4-м квартиле – к таким ограничениям прибегает небольшая часть граждан [Stier, Lewin 2013: 320–321]. Таким образом, при всех достоинствах системы медицинской помощи в Израиле, она далеко не универсальна и не равнодоступна, имеет серьёзный социально-проблемный характер.

Социальная стабильность в Израиле во многом проистекает не от политики, а от самого общества. Оно выработало в себе значительную способность адаптации к меняющейся ситуации.

В этих условиях на первый взгляд парадоксально выглядит то, что в Израиле отмечается достаточно высокий уровень сбережений (11,3% от денежных доходов), что значительно выше, чем в некоторых странах ЕС, не говоря уже о США (0,9%). По этому показателю Израиль даже один из лидеров, уступает только скандинавским странам и Бельгии (15–20%) [Дубсон 2014: 42]. Несмотря на сравнительно небольшой уровень располагаемых доходов (22 место среди стран ОЭСР), в условиях высокой их социальной дифференциации Израиль занимает 11 место по показателю среднего размера финансовых активов домохозяйств (52,9 тыс. долл.) [Better Life Index 2015]. Важно, однако, «качество» этого показателя, насколько он отражает реальное благосостояние большинства граждан. В Израиле высокий уровень сбережений в значительной степени связан с чрезмерной концентрацией доходов у наиболее состоятельных групп.

Социальная стабильность в Израиле во многом проистекает не от политики, а от самого общества. Оно выработало в себе значительную способность адаптации к меняющейся ситуации. Но, так или иначе, эта стабильность не может длительно, устойчиво и надёжно обеспечиваться в условиях столь высокого разрыва в доходах, поэтому в израильском обществе она постоянно находится под угрозой, о чём свидетельствует мощная волна социального протеста, в которую были вовлечены сотни тысяч израильтян летом 2011 г.

Подобная социальная модель в принципе неустойчива, если только это не США с их исключительным положением и возможностями сохранять процветание в большой степени за счёт банальной эмиссии и продажи долларов.

Важным фактором социальной стабильности в Израиле можно рассматривать то, что в последнее десятилетие развитие страны сопровождалось повышением уровня экономической активности – до 63,4% в 2013 г. (см. таблицу 1).

Таблица 1

Основные показатели занятости населения

Страны	I	II	III		IV		V	VI
	2013	2013	1990	2012	1990	2012	2007–2012	2008–2013
Австралия	67,5	65,2	5,6	3,3	69,3	75,5	37,3	9,0
Великобритания	57,4	62,1	2,1	1,2	64,9	78,9	41,2	12,1
Венгрия	46,6	51,9	18,2	5,2	45,0	64,9	25,5	6,0
Греция	38,7	53,2	23,9	13,0	48,3	70,3	29,9	30,3
Дания	58,1	62,5	5,5	2,6	66,6	77,5	36,6	5,6
Израиль	59,4	63,4	4,1	1,7	67,5	77,1	51,0	7,2
Ирландия	52,6	60,5	12,7	4,7	59,6	76,9	43,7	12,7
Испания	43,3	59,0	11,8	4,4	54,8	74,9	36,2	12,8
Италия	43,1	49,1	8,8	3,7	59,3	68,5	18,9	17,9
Канада	61,5	66,2	4,1	2,4	71,9	76,5	50,8	-
Нидерланды	60,1	64,4	4,5	2,5	68,6	71,5	36,1	12,3
Норвегия	62,6	64,9	6,4	2,2	69,2	77,4	41,9	5,1
Португалия	50,4	60,3	17,9	10,5	47,6	63,8	20,3	16,7
США	57,8	62,5	2,9	1,6	70,7	81,2	61,9	-
ФРГ	56,7	59,9	-	1,5	-	70,2	30,8	6,5
Финляндия	54,9	59,8	8,8	4,1	61,1	72,7	43,1	9,4
Франция	50,1	55,9	5,6	2,9	64,8	74,9	34,9	7,0
Чехия	55,4	59,5	-	3,1	-	58,8	21,0	14,5
Швейцария	65,2	68,2	4,2	3,5	63,6	72,5	38,8	9,1
Швеция	58,9	64,1	3,4	2,0	67,2	77,9	37,6	6,8
Япония	56,8	59,2	7,2	3,7	58,2	69,7	37,5	10,5
Россия	60,1	63,7	13,9	9,7	45,6	62,3	54,9	5,7

Примечание. I – доля занятых в населении; II – доля рабочей силы, участвующей в экономической деятельности; (I-II – доля лиц (%) в возрасте 15 лет и старше); III – доля занятость в сельском хозяйстве; IV – доля занятых в сфере услуг; (III-IV – % от общей занятости); V – доля рабочей силы с высшим образованием; VI – доля. неустойчивой (уязвимой) занятости (% от общей занятости).

Источник: [Human Development Report 2015: 254].

При этом данный показатель весьма дифференцирован, особенно в этническом и половом отношениях. Большое влияние оказывают традиции и религия. Именно это во многом определяет уровень занятости арабских женщин (лишь 25–30%), что значительно ниже, чем у израильтянок. Напротив, экономическая активность арабов-мужчин составляет более 60% и приближается к показателю еврейского мужского населения. Однако это не относится к арабской молодёжи, у которой она ниже, несмотря на то, что при «замере активности» еврейской молодёжи не учитываются те, кто служит в армии. В среднем данный показатель в Израиле сопоставим со средним по странам ОЭСР и составляет 78% (по основной возрастной группе – 24–65 лет) [Employment and Skills ... 2015: 33].

Необходимо отметить также то, что правительству Израиля всё же удаётся достаточно успешно сдерживать рост безработицы. Его опыт, однако, не является образцовым. В сравнительном плане более убедительна политика таких стран, как Норвегия и Дания, где уровень безработицы существенно ниже. Однако и в Израиле он находится на приемлемом уровне (6,2%). Аналогичный уровень отмечается, например, в Швеции и США. На этом фоне в ряде стран ЕС проблема безработицы носит весьма серьёзный характер, почти вдвое превышая показатель Израиля. Безработица как фактор социальной напряжённости в Израиле не играет столь значимой роли, как в некоторых странах Европы, во многом благодаря призыву в армию молодёжи: трёхлетняя обязательная служба для мужчин и двухлетняя для женщин существенно сокращает долю экономически активного населения трудоспособных возрастов.

Сформировавшаяся в Израиле тенденция к сокращению безработицы связана со структурными факторами – развитием образования и профессиональной подготовки, акцентом на гибкость рынка труда, изменениями в страховании по безработице, ростом временной занятости, совершенствованием системы поиска работы и трудоустройства. При этом уровень безработицы среди арабского населения выше, чем среди израильского населения, по всем регионам страны. Хотя безработица среди молодёжи составляет 20–25%, но это отнюдь не критическая ситуация: соответствующий показатель в странах ЕС существенно выше. Кроме того, имеет место устойчивая тенденция к её сокращению [Employment and Skills... 2015: 33].

Вместе с тем, находясь в группе стран ОЭСР со средним показателем безработицы, Израиль входит в число стран с минимальным уровнем преступности: число краж и грабежей составляет 39,9 на 100 тыс. граждан. А ведь если исходить из взаимосвязи этих показателей, то масштабы такой преступности в Израиле должны быть существенно выше, как это имеет место, например, в странах с сопоставимым уровнем безработицы. В частности, в Швеции уровень краж и грабежей превышает показатель Израиля почти в 2,5 раза, не говоря уже о США, где данный показатель выше более чем в 3,5 раза.

Однако проблема личной безопасности граждан в Израиле связана не только с уровнем бытовой преступности. Постоянная угроза террористических актов и военные действия серьёзно ухудшают качество жизни. В силу этого международный рейтинг качества жизни в Израиле в контексте личной безопасности и рисков для граждан постоянно снижается. И изменить что-либо существенным образом в этом отношении израильское общество в современных условиях в принципе вряд ли может.

Сформировавшаяся в Израиле тенденция к сокращению безработицы связана со структурными факторами: развитием образования и профессиональной подготовки, акцентом на гибкость рынка труда, изменениями в страховании по безработице, ростом временной занятости, совершенствованием системы поиска работы и трудоустройства.

Постоянная угроза террористических актов и военные действия серьёзно ухудшают качество жизни. В силу этого международный рейтинг качества жизни в Израиле постоянно снижается.

В целом же по качеству жизни, согласно экспертным оценкам, с учётом и таких его составляющих, как качество окружающей среды, уровень потребительских цен, досуг, качество политической системы, Израиль занимает 38–41 место (с суммарным показателем в 67 баллов из 100). Самый высокий рейтинг отдан США, затем идут Франция (4–6 место) – 75, Норвегия (16–19 место) – 72 и Швейцария (28–31 место) – 70. Для сравнения: индекс качества жизни в Китае – 57 (90–96 место), а в России – 54 балла (114–123 место).

Конечно, «объективность» данного показателя не стоит переоценивать. В нём много субъективного (включая и политическую пристрастность), особенно в отношении ситуации в странах Запада. В частности, бросается в глаза явно преувеличенная оценка ряда важных параметров в США. Взять хотя бы такой, как «безопасность и риски»: эксперты поставили ему наивысший балл – 100. Весьма нелепо, особенно на фоне событий последнего времени, выглядит наивысшая оценка США по параметру «свобода» (100). Но это на совести экспертов. Подобная необъективная оценка наводит на подозрения о вероятности политического заказа.

В целом же, согласно заключению ОЭСР, Израиль занимает 8 место по степени удовлетворённости жизнью. В то же время доля граждан с преобладанием позитивных оценок своей жизни в Израиле ниже по сравнению со многими странами. В частности, в России этот показатель, по данным 2010 г., оказался выше, хотя не дотягивает до среднего уровня по ОЭСР. Но это расчёты экспертов ОЭСР, сделанные на основе данных международных опросов службы Гэллапа [How's Life ... 2011: 273]. Так или иначе, но все же среди жителей Израиля преобладают оптимистические настроения, ибо это является «единственно возможным в непростых условиях жизни в этой стране» [Дубсон 2014: 54]. Такова реальная картина социального развития Израиля, сложная и противоречивая.

Сфера профессиональной подготовки и заработная плата специалистов

Трансформация экономики, сопровождавшаяся быстрым развитием сферы высоких технологий и ростом её удельного веса, привела к увеличению доли специалистов в общей структуре занятости. В этом смысле ситуация в Израиле не является чем-то особенным. Как и в других странах, она вписывается в современную глобальную экономику, способствующую росту международной конкуренции и поляризации рынка труда. Израильские учёные, в частности, обнаружили снижение корреляции между динамикой заработной платы в различных

отраслях, что было связано с ростом различий в уровне профессиональной подготовки работников и снижением межотраслевой мобильности [Brand, Regev 2015: 38].

Рынок труда реагировал естественным образом, транслируя спрос со стороны предприятий. Интересно, что, как и в России, в Израиле отмечается несбалансированность спроса и предложения на рынке труда в силу объективных причин. И эта несбалансированность во многом стала постоянным фактором жизни. Изменения в сфере образования происходят, вводятся новые программы и специальности, но они не поспевают за спросом со стороны экономики.

Важным достоинством организации высшего образования в Израиле является то, что оно нацелено на предприятия высоких технологий. Однако доля специалистов высокой квалификации недостаточна для сохранения конкурентных экспортных позиций страны.

Важным достоинством организации высшего образования в Израиле является то, что оно нацелено на предприятия высоких технологий. При этом доля этих предприятий в промышленной занятости составляет 26% и постоянно возрастает. Однако, как это ни парадоксально, одна из проблем Израиля состоит в том, что доля специалистов высокой квалификации недостаточна для сохранения конкурентных экспортных позиций страны.

В социальном плане достижения в области образования значительны. Среднее образование является обязательным, а высшее стало доступнее, произошло некоторое выравнивание возможностей его получения. Притом сохраняется немало серьёзных социальных проблем, которые начинают проявляться уже в период обучения в школе. Одной из них является невысокий уровень подготовки значительной части выпускников школ, что фактически лишает их возможности для обучения по естественно-научным специальностям. Кроме того, немало молодых людей бросают учёбу до 18 лет, т. е до окончания школы.

Одной из проблем является сравнительно высокая плата за высшее образование. В среднем оно обходится гражданам страны вдвое дороже, чем в странах ЕС.

В то же время большинство молодых людей предпочитают продолжать образование только по завершении службы в армии. Этому способствует и политика государства, которая предоставляет им дополнительные возможности и льготы. После демобилизации они получают существенные льготы, в частности, значительную денежную сумму, которую можно использовать в течение 5 лет на разные цели, связанные с обустройством жизни: на образование, организацию собственного дела и даже на свадьбу, а по истечении этого периода – на любые цели.

Одной из проблем является сравнительно высокая плата за высшее образование. В среднем оно обходится гражданам страны вдвое дороже, чем в странах ЕС [Дубсон 2014: 134]. По этому показателю Израиль занимает 8 место среди стран ОЭСР. Однако значительная часть высшего образования в Израиле носит избыточный характер. По крайней мере, значительный сегмент рынка труда разбалансирован: обладатели дипломов о высшем образовании получают рабочие места, не соответ-

ствующие их подготовке. В результате полученные знания оказываются мало востребованными, имеет место перепроизводство специалистов по ряду направлений профессиональной подготовки. Согласно экспертным оценкам, доля работников с избыточным образованием составляет 37%, и этот уровень один из самых высоких в развитых странах.

В этом отношении Россия и Израиль также очень похожи. Но проблема, связанная с необходимостью сокращения дисбаланса между потребностями предприятий и характером подготовки специалистов, пока лишь декларирована, но в полной мере не осознана и не оформлена в политических решениях ни в России, ни в Израиле.

Но каковы доходы специалистов в Израиле? В этом отношении наиболее перспективна ситуация у специалистов в области компьютерных технологий и представителей инженерных профессий – с первоначальной заработной платой соответственно 18 398 и 17 495 шекелей (в пересчёте это примерно 5027 и 4780 долл.). Наиболее низкий уровень доходов у педагогических работников и представителей гуманитарных наук. Однако он существенно корректируется ростом заработной платы в среднесрочном плане. В результате доход возрастает (по сравнению с начальным уровнем) от 20,9% у педагогических работников до 111,6% у врачебного персонала. Существенную прибавку получают юристы, управленческие работники (84–90%), специалисты в области физики и математики, инженеры (60–65%), компьютерщики (50,4%).

В Израиле подобная модель распределения наёмных работников по уровням оплаты труда обнаружила высокую устойчивость: с 1990-х гг. она практически не претерпела изменений. При этом в ряде категорий (лица свободных профессий, конторские служащие, работники торговли и сферы услуг, квалифицированные рабочие) доля получающих низкую заработную плату (менее 75% от медианной) несколько возросла.

Важно отметить, что в Израиле сложилась система оплаты труда, основанная на компетенциях, приобретённых в период профессиональной подготовки. Фактически продолжительность образования (основного и дополнительного) оказывает значительное влияние на рост доходов. Это, естественно, является хорошим стимулом для совершенствования в профессии, от чего в свою очередь выигрывают и работник, и работодатель, и экономика в целом.

При этом, конечно, никто не отменял и не может отменить правило, согласно которому заработная плата устанавливается в зависимости от соотношения спроса и предложения на рынке труда. В Израиле относительно низкий уровень заработной платы учителей (значительно ниже, чем в других странах ОЭСР) отчасти объясняется избыточностью педагогических работников. Даже с учётом того, что она повышается

со временем в процессе накопления стажа и приобретения профессионального опыта (от 18,7 до 38,2 тыс. долларов в год), разрыв весьма ощутим.

По сравнению со средним показателем по ОЭСР (данные 2011 г.), в Израиле заработная плата учителей была ниже более чем на 10 тыс. долларов. К слову, мировыми лидерами в этом вопросе являются Испания и Южная Корея с зарплатой учителей на 23–49% и 31–34% выше средней по ОЭСР (соответственно в начальной и средней школе) [Дубсон 2014: 148]. В 2011 г. в Израиле началась реформа, которая предусматривает существенный рост заработной платы учителей, на что выделены значительные средства. Иными словами, статус образования в Израиле постоянно повышается, ибо роль этой сферы первостепенна в формировании человеческого капитала и развитии современного НТП. И это в Израиле прекрасно понимают.

Израильское общество весьма мозаично и противоречиво, ибо скроено из разных этнических лоскутов общей ткани, которая в своё время, почти 2000 лет назад, оказалась разорвана историей.

Каковы, однако, карьерные предпочтения у выпускников высших учебных заведений в Израиле? Судя по социологическим данным, многие отдают предпочтение работе в государственных учреждениях, особенно это касается экономических и юридических специальностей. Причём необходимо учитывать, что зарплата там ниже, чем на соответствующих должностях в частных организациях. Собственно говоря, во многом ситуация схожа с российской.

Привлекательность государственной службы связана с возможностями приобретения необходимого опыта и профессиональных компетенций. Однако и дополнительные материальные стимулы играют роль. В Израиле, как и в других развитых странах, расходы на развитие человеческого капитала, в частности высшее образование, эффективны как для государства, так и для граждан (хотя по этому показателю страна и занимает 16 место в ОЭСР). Однако важным преимуществом является то, что высшее образование обходится молодому израильтянину всё же не так дорого, как в США, Великобритании и Нидерландах, хотя и дополнительные доходы, которые оно впоследствии приносит, значительно ниже.

Межэтнические отношения и проблемы сплочённости общества

Израильское общество весьма мозаично и противоречиво, ибо скроено из разных этнических лоскутов общей ткани, которая в своё время, почти 2000 лет назад, оказалась разорвана историей. Разделение между еврейскими и арабскими гражданами особенно чётко выражено. Учитывая длительный исторический характер конфликта, преодолеть его практически невозможно. Да и само еврейское население

современного Израиля состоит из иммигрантов и их потомков из различных частей света. Однако «плавильный котёл» и время всё же делают своё дело. В каждом новом поколении пространство различий уменьшается, происходит рост духовной и политической консолидации общества.

Возникает вопрос, насколько социально открыто израильское общество и руководствуется ли оно принципом равных возможностей? Пока оно весьма рыхлое, о какой-либо социальной и тем более внутринациональной (межэтнической) консолидации говорить не приходится. В различных сферах израильского общества доминируют уроженцы и старожилы страны – выходцы из стран Европы и Америки (ашкеназы). Однако, по мнению Б. И. Дубсона, и у представителей других групп всё же открываются перспективы. Наиболее низкий социальный статус имеют выходцы из Эфиопии, хотя они получили в Израиле большие льготы от государства. Они получали, в частности, значительные по размерам, беспроцентные ипотечные ссуды, безвозвратные субсидии на покупку собственного жилья, а часть из них вообще получила бесплатное жильё в общественном секторе. В результате в 2010 г. 41% семей этой общины владели собственным жильём, 14% имели квартиры в общественном секторе, а 22%, в основном молодые пары и матери-одиночки, проживали в квартирах родственников [Дубсон 2014: 194]. Иными словами, социальная политика государства была нацелена на стимулирование репатриации из всех регионов мира.

Большой вклад в укрепление государства и общества в Израиле внесла волна репатриации из СССР и России, что сделало его более успешной и эффективной страной. Такое мнение весьма распространено в Израиле.

Это хороший пример миграционной и социальной политики, заслуживающий внимания и в России. Такой подход позволяет обустроиться на новом месте, а это уже весьма существенно. Далее каждый находит «место под солнцем» самостоятельно. Конечно, социальные пределы такой политики очевидны, она отнюдь не способствует выравниванию социального положения. Социально-экономическая организация общества объективно сохраняет и усиливает его разделённость, неравенство возможностей, серьёзно ограничивает перспективы социального подъёма. И в этих условиях, кроме того, существует достаточно сильное стремление влиятельных сил в Израиле превратить его в моноэтническое государство, исключительно еврейское, что, конечно, не может способствовать консолидации общества и установлению прочного мира в этом регионе.

Большой вклад в укрепление государства и общества в Израиле внесла волна репатриации из стран бывшего СССР и России, что сделало его более успешной и эффективной страной. Такое мнение весьма распространено в Израиле. Однако в лучшем случае репатриантам удалось закрепиться в среднем классе.

При этом нужно учесть, что основная часть репатриантов из бывшего СССР, приехавших в страну с начала 1990-х гг., прожили в Израиле от 15 до 25 лет. Время, каза-

лось бы, достаточное для интеграции в израильское общество. Тем не менее, более четверти этой группы израильтян недовольны своей жизнью, а полностью удовлетворены только 13% [Дубсон 2014: 229]. Значительная часть граждан трудно адаптируются, весьма пессимистично оценивают свои перспективы. Это, естественно, отражается на взаимоотношениях «старых» и «новых» граждан. Характерно, что значительное большинство репатриантов из стран бывшего СССР ограничивают своё общение только рамками своей общины, не поддерживая практически никаких отношений с коренными жителями.

Один из важнейших вопросов – отношения между еврейской и арабской частями населения Израиля.

Один из важнейших вопросов – отношения между еврейской и арабской частями населения Израиля. Влиятельные политические силы в Израиле отстаивают линию на выдавливание арабов с территории страны. Однако существует и прагматичная позиция, направленная на сосуществование, которая берёт верх. Правительство Израиля было вынуждено в начале 2000-х гг. перейти к осуществлению сбалансированной политики, в какой-то мере учитывающей интересы национальных меньшинств, прежде всего арабских граждан. В частности, были несколько скорректированы направления бюджетной политики, в 2010 г. принята программа развития арабских поселений. Всё это призвано улучшить межэтнические отношения. И определённый результат имеет место. Согласно данным израильских социологов, 61% респондентов-арабов заявили, что проживание в Израиле для них более предпочтительно, чем в арабских странах. Их привлекает, согласно данному опросу, современный образ жизни, экономическая и политическая стабильность, а также отсутствие угрозы прихода к власти представителей радикального ислама. Причём значительная часть (более половины) признают еврейский характер государства в Израиле, что определяет толерантный характер взаимоотношений [Дубсон 2014: 287].

При этом потенциал конфликта весьма высок, и он растёт. В 2011 г. 19% арабов, участвовавших в опросе, отказали Израилю в праве на существование: этот уровень вырос на 8 процентных пунктов по сравнению с началом 2000-х гг., не говоря уже о 1990-х, когда уровень терпимости в межэтнических отношениях был наиболее высоким.

Характерно, что в высшем социальном слое в Израиле нет представителей арабских семей, а в 9 и 8 децилях их доля составляет лишь 3 и 6%. Шансы на восходящую социальную мобильность у них ничтожны. Так, у выходцев из арабских семей шансы на попадание в высший социальный слой в Израиле составляет 3 из 100, причём этот показатель за два десятилетия снизился почти вдвое [Дубсон 2014: 276]. На рынке труда фактически распространена дискриминация арабского населения, что проявляется в растущем разрыве между ростом его образовательного уровня и характером пред-

лагаемых рабочих мест. Согласно данным ОЭСР, доля арабов, занятых в государственных учреждениях, не превышает 7,8%, хотя в своё время была поставлена цель достичь 10%.

Видимо, изменения были бы возможны в случае пересмотра характера социально-экономической модели, допускающей дискриминации и большие разрывы в доходах и благосостоянии граждан. В условиях реального социально-экономического и политического неравенства еврейского и арабского населения конфликтный характер их взаимоотношений может длительно сохраняться и усиливаться, обозначив новый виток конфронтации.

Возможный выход из тупика – в новой социально-экономической политике, направленной на реальный процесс выравнивания условий жизни и труда всех этнических групп населения страны. Но возможно ли это? Конечно, и невероятное случается, то, что даже невозможно предположить. Однако, этнические разломы внутри израильского общества настолько глубоки, что какие-либо сдвиги в лучшую сторону в положении нееврейских граждан могут снизить напряжение внутри страны, но характер отношений вряд ли принципиально изменят.

Отсюда конфликт исторически перманентен. Государство Израиль, находившееся у истоков цивилизации, исчезло почти на 2 тысячи лет, население рассеялось по миру, а затем вдруг, по прошествии этого огромного времени, «восстало из пепла». Таких примеров в истории не было. Естественно, оппонентов у этого государства всегда было немало, и после восстановления государства, которого они не ожидали, их количество не уменьшилось. Для изменения сложившейся ситуации необходимо, чтобы окружающие народы и прежде всего их лидеры психологически смирились с тем, что на Святой земле существует еврейское государство, и приняли формулу мирного сосуществования и сотрудничества с ним.

Но и лидеры Израиля могли бы, со своей стороны, предпринять принципиальные шаги как во внутренней, так и во внешней политике, чтобы навести реальные мосты для конструктивного диалога, ведущего к долговременному урегулированию. Они, конечно, могли бы пойти по пути «нового мышления» на Ближнем Востоке в духе М. Горбачёва. Уступки во всём, ради мира и благоденствия. Но это, как показала историческая практика, примитивный подход, который при неравновесной политике взаимоотношений, односторонних, ничем не оправданных уступках наносит колоссальный ущерб. Это как раз и произошло с Советским Союзом. В этом мире, в современной политике уступчивого противника не то, что не любят, но не уважают, считают уступки явным свидетельством слабости, но в полной мере их поощряют и используют. Можно вспомнить, какой ущерб понёс

СССР, а затем Россия в результате политики односторонних уступок, стремлению понравиться зарубежным коллегам-оппонентам своими действительно нравственными и открытыми действиями, в том числе в последний период времени. Впрочем, эта точка зрения по-прежнему имеет оппонентов и встречает противодействие.

Наступил момент, когда значительная часть общества разочаровалась в проводимой социальной политике: в 2011 г. на протяжении многих месяцев страну охватили массовые социальные протесты.

Заключение. В ожидании перемен

Возвращаясь к проблемам Израиля, необходимо отметить, что в конце концов наступил момент, когда значительная часть общества разочаровалась в проводимой социальной политике. Перелом в настроениях проявился в 2011 г., когда на протяжении многих месяцев страну охватили массовые социальные протесты. Началось с малозначительного эпизода, связанного с повышением цены на один из широко потребляемых продуктов питания. Это стало искрой, которая воспламенила общество. Причём мобилизация участников протеста происходила с использованием современных информационных технологий, с помощью социальных сетей. Власти оказались в растерянности, они в принципе не могли представить, что в условиях постоянного противостояния с арабским миром и постоянных угроз безопасности может измениться вектор социальных предпочтений и интересов.

Жизнь, таким образом, потребовала изменений в социально-экономической политике. И первоначально правительственная комиссия, созданная летом 2011 г., исходила из необходимости социального выравнивания, имея в виду повышение налогов на значительные доходы (особенно сверхдоходы), увеличение налогов на капитал и прибыль, а также меры в области субсидирования жилья, социальные льготы. Хотя многое не было реализовано, общество пробудилось от спячки, активизировались профсоюзы. И им удалось добиться повышения гарантий занятости и оплаты труда в отношении ряда категорий занятых, хотя это и не коснулось основной массы наёмных работников, в том числе среднего класса. Но проблемы, вызвавшие протест, по сути дела, остались. Потребительские цены немного снизились, а затем опять стали повышаться. Однако общество уже практически не сопротивлялось, ибо вновь обострилась внешняя обстановка (в связи с ракетными обстрелами из района Газы), что отвлекло его от повседневных социальных проблем и вновь сплотило.

Рассматривая характер социальной политики Израиля, необходимо учитывать, что его финансовые возможности решать социальные проблемы в условиях, когда необходимо выделять значительные ресурсы на оборону и безопасность, весьма ограничены. Необходимо делать выбор. И понятно, что

в бюджетной политике предпочтения отдаются расходам на оборону и безопасность, о чём с очевидностью свидетельствует таблица 2.

Таблица 2

Структура государственных расходов (доля в ВВП; данные 2012 г.)

Страны	Общие расходы	Оборона	Экономика	Здравоохранение	Образование	Социальная защита
Великобритания	46,7	2,4	3,5	7,5	5,8	17,3
Венгрия	48,6	0,7	6,2	5,2	4,7	16,7
Израиль	41,5	6,0	2,5	5,0	6,2	10,9
Ирландия	41,7	0,4	3,4	6,9	4,4	16,1
Испания	47,9	0,9	7,9	6,2	4,2	17,5
Италия	50,8	1,3	4,1	7,2	4,1	20,5
Норвегия	42,9	1,4	4,4	7,3	4,9	17,1
Португалия	48,8	1,2	2,9	6,6	6,5	18,4
США	40,1	4,2	3,7	8,7	6,4	8,1
ФРГ	44,1	1,1	3,4	6,8	4,2	18,8
Финляндия	56,1	1,5	4,8	8,2	6,4	23,8
Франция	56,8	1,8	5,0	8,0	5,5	24,2
Чехия	43,9	0,8	6,0	7,4	5,0	13,1
Швеция	52,6	1,4	4,5	6,9	6,5	22,1
Япония	42,0	0,9	4,2	7,4	3,6	18,0
Россия	37,7					

Источник: [National Accounts… 2015: 61].

Как видно, по уровню военных расходов Израиль значительно опережает все страны, при этом уступая всем остальным по уровню расходов на социальную защиту. Это некоторым образом компенсируется достаточно высоким уровнем расходов на образование (пятое место среди указанных стран). Остро и постоянно стоит проблема бюджетного дефицита, а в связи с ней – необходимость поиска дополнительных ресурсов. И здесь власти не могут изобрести ничего нового, кроме как повысить налоги.

Но возникает вопрос, какие налоги повышать, кого это может сильнее затронуть и какие может иметь последствия? Собственно говоря, в этом отношении власти пытаются найти «золотую середину», особенно не покушаясь на интересы состоятельных групп и крупного капитала. Но акцент на состоятельные группы не смещается, а социальная политика фактически финансируется по остаточному принципу. Кстати, эксперты ОЭСР критически оценивают характер социально-экономической политики в Израиле, обращая особое внимание на то, что там сохраняется высокий уровень бедности и социального неравенства, а правительство не предпринимает адекватных мер.

Важный показать успешности политики властей – это уровень доверия граждан. В период 2007–14 гг. этот показатель в Израиле возрос на 22 процентных пункта. Выше рост оказался только в ФРГ (25 п.п.).

Важный показать успешности политики властей – это уровень доверия граждан. В период 2007–14 гг. этот показатель в Израиле возрос на 22 процентных пункта. Выше рост оказался только в ФРГ (25 п.п.). Хотя в 2015 г. с началом миграционного кризиса в ЕС и недовольством большой части населения принятыми правительством этой страны мерами, его общественная «репутация» существенно пострадала. Это, впрочем, относится к оценкам миграционной политики ЕС в целом. В среднем же за указанный период уровень доверия правительству в странах-членах ОЭСР снизился на 3,3 процентных пункта – с 45,2 до 41,8%. Наиболее значительное снижение доверия произошло в Словении (30 п.п.), Финляндии (29 п.п.), Испании (27 п.п.), Португалии (22 п.п.). По мнению специалистов ОЭСР, особую роль в уровне доверия/недоверия играет фактор коррупции: уровень доверия тем выше, чем ниже уровень коррупции и наоборот. Таким образом, во многих странах в последнее время встала серьёзная проблема восстановления доверия к власти, ибо эффективное развитие иначе невозможно. Израиль демонстрирует в этом плане заслуживающий внимания опыт развития. Но нельзя и переоценивать этот результат, ибо, согласно данным за 2014 г., уровень доверия составил менее 50% – заметно ниже многих стран ОЭСР [Government at a Glance 2015: 156–157].

В последние годы в массовом сознании населения Израиля происходят серьёзные сдвиги. Формируются новые ценностные предпочтения в отношении политического и социально-экономического развития страны. Растёт численность работников, вступающих в профсоюзы, активизируется их деятельность, которая распространяется и на крупные компании, где прежде их не было. Показательно, что рост профсоюзов происходит, несмотря на серьёзное сопротивление работодателей. Работники успешно отстаивают свои права, в том числе в судах.

Это хороший пример для наёмных работников и профсоюзов в России, ибо профсоюзы пассивны, во многом формальны, а работники часто испытывают банальный страх больше потерять, чем приобрести, защищая свои права. Но в условиях капиталистических предприятий, которые уже давно таковыми являются, в России, если иметь в виду частный (рыночный) сектор экономики, со стороны работников и профсоюзов не может быть иного эффективного подхода, кроме как расширение деятельности с использованием различных форм, чтобы успешно бороться за свои права.

Можно увидеть и немало других параллелей с социальными проблемами в России и ответом власти на эти проблемы. К сожалению, в России до сих пор во властные структуры не пришло понимание того, что страна нуждается в политике социального выравнивания, нацеленной, прежде всего, на уменьшение разрывов в доходах и материальных возможно-

стях различных социально-профессиональных групп. Россия нуждается в политике, ориентированной на формирование и укрепление принципов социальной справедливости, что могло бы мотивировать продуктивную трудовую деятельность и способствовать консолидации общества.

В 2014 г. Россия вступила в новый этап своего развития, когда многие иллюзии, связанные с характером современного миропорядка, рассеялись. Правила ВТО нарушаются односторонними санкциями, а постоянные уступки России во многих сферах с целью урегулировать возникшие проблемы не впечатляют партнёров России и воспринимаются ими скорее как проявление слабости. И, судя по всему, данная стратегическая линия по отношению к России обозначилась надолго. Проблема усугубляется изменениями в мировой экономике, начавшимися в 2015 г. Само собой разумеется, что сохранять прежний характер социально-экономической политики невозможно, ибо у него нет перспективы. В условиях, когда перед российским обществом и российской властью со всей остротой встали проблемы выживания и развития перед лицом постоянного внешнего давления и ограничений, Израиль демонстрирует заслуживающий внимания опыт внутреннего развития.

Библиографический список

Дубсон Б. И. 2014. Современный Израиль. Социально-экономические очерки. М.: Международные отношения. 376 с.

Better Life Index 2015. OECD, 2015. URL: http://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/data/better-life-index/better-life-index-2015_data-00823-en?isPartOf=/content/datacollection/socwel-data-en [Дата посещения: 02.03.2016].

Bleikh H. Poverty and Inequality in Israel: An International Perspective // State of the Nation Report 2015. 49 p. URL: http://taubcenter.org.il/wp-content/files_mf/povertyandinequalityenglish.pdf [Дата посещения: 23.01.2016].

Brand G., Regev E. The Dual Labor Market: Trends in Productivity, Wages and Human capital in the Economy // State of the Nation Report 2015. 48 p. URL: http://taubcenter.org.il/wp-content/files_mf/theduallabormarketenglish.pdf [Дата посещения: 23.01.2016].

Employment and Skills Strategies in Israel. P.: OECD Publishing, 2015. 87 p. DOI: http://dx.doi.org/10.1787/9789264232969-en

Government at a Glance 2015. P. OECD Publishing, 2015. 209 p. DOI: http://dx.doi.org/10.1787gov_glance-2015-en

How's Life in Israel? P.: OECD, 2015. 8 p. URL: http://www.oecd.org/israel/Better%20Life%20Initiative%20country%20note%20Israel.pdf [Дата посещения: 23.01.2016].

How's Life? Measuring Well-being. P.: OECD, 2011. 282 p. DOI: http://dx.doi.org/10.1787/9789264121164-en

Human Development Report 2013. N.Y.: UNPD, 2013. 203 p. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/14/hdr2013_en_complete.pdf [Дата посещения: 27.02.2016].

Human Development Report 2015. N.Y.: UNPD, 2015. 273 p. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2015_human_development_report.pdf [Дата посещения: 27.02.2016].

National Accounts at a Glance 2015. P.: OECD Publishing, 2015. 94 p. DOI: http://dx.doi.org/10.1787/na_glance-2015-en

Stier H., Lewin A. Material Hardship in Israel // State of the Nation Report 2013. P. 313–333. URL: http://taubcenter.org.il/wp-content/files_mf/stateofnation_013eng8.pdf [Дата посещения: 23.01.2016].

Social Images in Modern Israel. Problems and Politics

Lyublinskiy Victor Victorovich

Dr. Sci. (Pol. Sci.), Senior Researcher, Head of The Department of Comparative Analysis of Social Policy, Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
E-mail: lyubl.victor@yandex.ru

Abstract. This article examines the peculiarities inherent to the development of modern Israeli society, while looking into Israel's experience in solving problems associated with increasing prosperity, social policy and interethnic relations. It shows that Israel's social-economic strategy puts emphasis on supporting hi-tech fields, the development of which is mainly defined by tasks aimed at ensuring national security and defensive capability. Such projects are also utilized in civil industries: this leads to an increase in labor productivity, as well as the population's prosperity and life quality, while also strengthening the country's international status in several areas. The level of relative R&D expenses also says quite a lot: in this respect Israel is ahead of the entire world. Israeli society has developed a strong ability to adapt to constantly changing conditions. But its social stability cannot be long lived, stable and secure when there is such a severe gap in the population's income; said stability is constantly being threatened, a testament to that being a huge wave of public protests which took place during the summer of 2011, with hundreds of thousands of Israeli participating. Deeply rooted ethnical differences are also evident within Israeli society. However, despite there being some serious problems, said society is quite consolidated, for if that was not the case – it would be impossible to endure in such conditions of constant terrorist threats and with the country's very existence constantly being challenged. In the last few years a sustained trend has been shaping in Israel – of citizens gaining trust in their own government: this gives Israel quite an advantage compared to many other countries, where restoring trust has become a problem for the authorities. Serious shifts in mass consciousness have also been taking place. New value preferences have been shaping when it comes to national political and socio-economic development. The amount of workers joining trade unions is growing, and they are becoming increasingly more active: their activities now apply to large companies, where they had never been present in the past. It is a significant fact that trade unions are growing despite serious resistance from employers. Workers are successfully standing up for their rights, in the courts too. Considering current conditions, when Russian society and Russian authorities are facing survival and development troubles at point blank (being constantly subject to external pressure and confinement), in this respect Israel demonstrates some noteworthy internal development experience.

Keywords: economic development, social policy, income, poverty, education, salary, interethnic relations.

References

Better Life Index 2015. OECD, 2015. URL: http://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/data/better-life-index/better-life-index-2015_data-00823-en?isPartOf=/content/datacollection/socwel-data-en [date of visit 02.03.2016].

Bleikh H. Poverty and Inequality in Israel: An International Perspective./ State of the Nation Report 2015. 49 p. URL: http://taubcenter.org.il/wp-content/files_mf/povertyandinequalityenglish.pdf [date of visit 23.01.2016].

Brand G., Regev E. The Dual Labor Market: Trends in Productivity, Wages and Human capital in the Economy. State of the Nation Report 2015. 48 p. URL: http://taubcenter.org.il/wp-content/files_mf/theduallabormarketenglish.pdf [date of visit 23.01.2016].

Dubson B. I. Sovremennyj Izrail'. Social'no-ekonomicheskie ocherki [Modern Israel. Social and Economic Essay]. Moscow, Mezhdunarodnye Otnoshenija, 2014. 376 p.

Employment and Skills Strategies in Israel. Paris, OECD Publishing, 2015. 87 p. DOI: http://dx.doi.org/10.1787/9789264232969-en

Government at a Glance 2015. Paris, OECD Publishing, 2015. 209 p. DOI: http://dx.doi.org/10.1787gov_glance-2015-en

Human Development Report 2013. New York, UNPD, 2013. 203 p. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/14/hdr2013_en_complete.pdf [date of visit 27.02.2016].

Human Development Report 2015. N.Y.: UNPD, 2015. 273 p. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2015_human_development_report.pdf [date of visit 27.02.2016].

How's Life in Israel? Paris, OECD, 2015. 8 p. URL: http://www.oecd.org/israel/Better%20Life%20Initiative%20country%20note%20Israel.pdf [date of visit 23.01.2016].

How's Life? Measuring Well-being. Paris, OECD, 2011. 282 p. DOI: http://dx.doi.org/10.1787/9789264121164-en

National Accounts at a Glance 2015. Paris, OECD Publishing, 2015. 94 p. DOI: http://dx.doi.org/10.1787/na_glance-2015-en

Stier H., Lewin A. Material Hardship in Israel. State of the Nation Report 2013. P. 313–333. URL: http://taubcenter.org.il/wp-content/files_mf/stateofnation_013eng8.pdf [date of visit 23.01.2016].